

12+

Эрнест Пети

**История
герцогов
Бургундских
из Капетингской
династии**

Том 6

Эрнест Пети

**История герцогов Бургундских
из Капетингской династии. Том 6**

«Издательские решения»

Пети Э.

История герцогов Бургундских из Капетингской династии. Том 6 /
Э. Пети — «Издательские решения»,

Шестой том монографии Эрнеста Пети охватывает правление Роберта II (1272–1306): служба французской короне (Арагонский поход, Фландрские войны), дипломатия при Бонифации VIII, конфликт за Дофине, отношения с городами и духовенством, упадок монастырей. Завершается том расширением домена и строительством укреплений.

© Пети Э.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава XXXIX. — Правление Роберта II	9
Глава XL. — Правление Роберта II (продолжение)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

История герцогов Бургундских из Капетингской династии Том 6

Эрнест Пети

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Эрнест Пети, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9494-2 (т. 6)

ISBN 978-5-0069-3414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Эти первые шесть томов охватывают три первых столетия истории наших герцогов первой династии, вплоть до смерти Роберта II в марте 1306 года.

В момент, когда мы вступаем в XIV век, позволим себе сделать несколько размышлений и бросить общий взгляд на ход идей, на увлечения общественного мнения и на последовательные изменения, внесенные в общее состояние общества.

Мы с трудом проследили все этапы наших бургундских анналов, с помощью зачастую путаных хроник и большей частью недатированных хартий, чье изменчивое изобилие соответствует движению умов. Множество пожертвований монастырям является неоспоримым признаком чувств, которые одушевляют это общество, повелительно управляемое религиозными верованиями и практиками. До сих пор эти верования глубоки в народе, прежде всего; они велики также и у баронов, несмотря на отклонения в поведении, привычки к насилию и скандалы всякого рода, которые могли бы заставить в этом усомниться. Но они понимают религию по-своему, они считают, что им всё дозволено, и могут на всё отважиться. Преступление искупается милостыней, при условии, что эта милостыня соразмерна величине проступка, согласно формуле, так часто повторяемой: подобно тому как вода гасит огонь, милостыня гасит грех. Это сама церковь, это монахи всех орденов в ту эпоху проповедовали этот странный принцип, от которого они извлекали выгоду. В царствование Эда III монастыри всё ещё собирали его плоды, затем движение очень заметно ослабевает, милостыни становятся всё более редкими, монастырям с большим трудом удаётся узаконить и сохранить благодеяния, завещанные благочестием былых времён.

В XII веке монастырские институты находятся на вершине своего величия и могущества; в конце XIII века они уже сильно скомпрометированы, если судить по документам, которые мы здесь публикуем. С XIV веком и Столетней войной дезорганизация становится полной, беспорядок повсюду, как в гражданском обществе, так и в монастырях. Многие женские монастыри исчезнут или уступят место мужским обителям; те же, что сохранятся, будут подавать лишь скандальные примеры и не заставят сожалеть о потере других. Из этих бесчисленных приоратов, основанных под впечатляющим воздействием крестовых походов, останется совсем немного, а остатки их наделов будут поглощены материнскими аббатствами, которым и самим придется многое сделать, чтобы удержаться и противостоять разрушительному течению.

Довольно любопытно, что с древнейших времён именно из Бургундии всегда исходило самое сильное религиозное движение.

В V веке аббатство Реом или Мутье-Сен-Жан является его очагом под влиянием святого Иоанна, его основателя и первого аббата. Именно в Бургундии берет начало значительный орден Ключи, и развиваются знаменитые монастыри Сен-Жермен д'Осер, Флавины, Потьер, Везле, Без, Сен-Бенинь, Сен-Сен и т. д. После долгого периода смут, неблагоприятного для распространения религиозных институтов, основание Молема под мудрым руководством святого Роберта привлекает население; начиная с 1075 года и в течение всей жизни этого выдающегося аббата, Молем является центром притяжения для Бургундии шампанских земель. Знать провинции собирается там на большие церемонии; наши герцоги и графы Шампани вершат там свой суд, бароны разрешают там свои споры. Менее чем за тридцать лет, пятьдесят приоратов отделились от него из-за растущего притока пожертвований и монахов.

Молем был первым шагом в реформе; его прославленная дочь Сито — это другая реформа, более склонная к практике аскетизма, и начало ордена, который за несколько лет покрыл континент своими бесчисленными колониями. Из него выходят уже не простые приораты, а большие аббатства, и эти последние становятся корнем столь многочисленных учреждений, что требуется работа генеалога, чтобы проследить их преемственность.

Общественное мнение переносит свои симпатии на Сито. Государи присутствуют на генеральных капитулах и держат там свой двор; его монастырский двор становится свидетелем самых значительных актов гражданской и религиозной жизни.

В этом головокружительном стремлении населения к монашеству, новый институт, более соответствующий тенденциям феодализма, формируется и развивается параллельно. Рыцари Храма олицетворяют этот союз между двумя силами XII века, баронами и монахами, служа связующим звеном между двумя классами, сочетая в себе черты и тех, и других, и вербуемые главным образом в великих сеньориальных домах. Бургундия шампанских земель была также колыбелью этого привилегированного ордена, чьи истоки мы изложили.

Религиозная активность и течение общественного мнения, последовательно направляемые на эти ордена, неизбежно вредили другим. Каждое из новых учреждений, пользуясь благосклонностью публики, наносило ущерб предыдущему. Орден Храма остановил уже значительное вторжение цистерцианцев, подобно тому как цистерцианцы остановили взлёт Клюни, а Клюни заставил забыть о великих бенедиктинских аббатствах, которые жили лишь за счёт щедрот своих первых покровителей. Каждый из орденов смотрел с завистью на состояние своего соперника и стремился привлечь на свою пользу милостыни, которыми благочестие верующих так щедро располагало.

Это непрерывное и захватническое влияние монашества вызывало в феодальном обществе потрясение, которого почти не осознавали. Предоставленные владения все принадлежали знати, которая одной лишь владела землёй. По мере того как монахи богатели, бароны беднели; и поскольку земля в ту эпоху была верным признаком могущества, результатом этого было перемещение богатства в пользу монастырей и в ущерб феодальным семействам. Если щедрые дарители XII века так широко распоряжались своим имуществом, не имея ясного сознания о происходящем процессе, то их потомки, более предусмотрительные, постарались этому противодействовать.

Затем, вот другой элемент распада феодальной иерархии. Учреждение коммун создает новый класс, буржуазию, которая забирает свою долю прав сеньора-сюзерена. Она смогла приобрести за хорошие звонкие монеты привилегии, которые обременённая долгами знать продаёт тем, кто может за них заплатить. Свобода, ставшая предметом коммерческой торговли, является антитезой и самым отрицанием феодального режима. Напрасно бароны хотели бы ослабить действие этих договоров об освобождении, заключенных под торжественными формулами и под высочайшим авторитетом королевской власти. Из этих городских республик, волнуемых электоральными страстями и политическими потрясениями, веет ветер независимости, протеста и бунта против старого мира Средневековья.

Ужасная и гибельная Столетняя война не имеет иной причины и иного происхождения, кроме коммунальных восстаний фламандских городов.

Сама элита буржуазии стремится проникнуть в знать. Из неё выходит легион клириков, законников, настоящих функционеров и агентов административного механизма, официально причастных к управлению, незаменимых даже для великих вассалов и идущих наравне с сеньорами и светскими чиновниками.

Реакция проявилась с большей силой там, где религиозное движение было наиболее активным. Именно в Бургундии высекается первая искра; это сам герцог ведёт атаку. Гуго IV возглавляет лигу баронов, разгневанных церковными притязаниями, и распространяет тот энергичный манифест, который вовсе не отвергается святым Людовиком и в котором находят эти идеи, выдающие беспокойства, чреватые угрозами для будущего: клирики обогатились за счёт обеднения знати, пусть они вернуться к состоянию первоначальной церкви, пусть оставят нам активную жизнь, как это и подобает, и, живя в созерцании, пусть наконец дадут нам вновь узреть чудеса, давно исчезнувшие из этого мира.

Позднее, начиная с короля и до самого скромного барона, все стараются остановить движение. Ордонанс Филиппа III, обнародованный в 1275 году, о правах амортизации, не имеет иной цели, кроме как остановить дробление владений, сохранить prerogatives сеньоров и неприкосновенность старого феодального здания. Король раздает ренты пожизненно членам своей семьи и больше не дробит королевский домен раздачами апанажей. В течение части своего правления наш герцог Роберт II с необычайным упорством борется за соблюдение целостности герцогского домена, несмотря на чёткие условия завещания его отца. Император Германии Рудольф Габсбургский, ещё более радикальный, одним росчерком пера аннулирует все дарения имперских имуществ (Pertz, Leges, II, 435) [Пертц, Законы, II, 435].

Самая блестящая из религиозных институций той эпохи, рыцарство Храма, несмотря на свои знаменитости и свои славы, должна была быть принесена в жертву реакции, последовавшей за чрезмерными движениями монашеского призыва. Не в этом ли вечная периодичность вещей этого мира, откат назад после слишком быстрого движения вперёд? И не это ли явление предлагает нам каждая страница нашей истории, подобно уроку, бесполезному для последующих поколений?

Тамплиеры заплатят за всех прочих; лишь они станут жертвами этой неосознанной реакции и необдуманного увлечения общественного мнения. Учреждённые для служения крестовым походам, они предназначены исчезнуть, когда коллективная вера уже не найдёт достаточно энтузиазма для таких экспедиций.

Не ищите причин их падения; не вините ни тех, ни других, ни папу, ни короля.

Их падение есть следствие состояния вещей и, особенно, состояния умов.

Их процесс ещё не начался, а приговор уже вынесен.

Плод созрел, он упал.

Глава XXXIX. — Правление Роберта II

Характер Роберта. — Его возраст, когда он был эмансипирован и призван к управлению герцогством. — Исполнение завещательных распоряжений Гуго IV. — Устройство дел Роберта в Дофине; соглашения с Беатрисой Наваррской и Югенином, его единокровным братом. — Проезд английского короля. — Герцог присутствует с Филиппом III на Лионском соборе под председательством папы. — Обязательства отправиться в крестовый поход; герцог удерживает Жана де Шуазёля, своего коннетабля, для участия в нём. — Граф Водемон и сеньор де Марэ отправлены к императору Константинополя. — Бесконечные осложнения, препятствующие планам экспедиции в Святую Землю. — Выкуп обетов крестоносца. — Герцог прибывает в Совтерр к королю. — Его положение при дворе во время бракосочетания королевы Марии Брабантской, его племянницы. — Окружение королевы. — Немилость Пьера де Ла Бросса, радость сеньоров после его казни. — Турнир в Компьене. — Отте, пфальцграф Бургундии, ищет дружбы герцога; его приём в Бургундии, в аббатстве Без, в Рувре, в Эзе, в Дижоне, празднества и турниры в его честь. — Договор о союзе и брачные планы для дочери Отте и сына герцога. — Подтверждение всех этих соглашений в аббатстве Сито. — Уступки, сделанные герцогу графом Филиппом де Вьенном и Анри де Пани, сеньором де Сент-Круа. — Управление герцогством Бургундия поручено Отте герцогом, когда тот отправляется на конгресс в Мон-де-Марсан. — Роберт в Муассакке с королём, затем в Тулузском парламенте и на встрече между Филиппом III, королём Арагона и принцем Салернским. — Возвращение в Бургундию; граф Отте делает ему новые дарения, требует возвращения своей дочери, чтобы отдать её бургундскому двору. — Роберт и Отте отправляются в Лион, чтобы получить диспенсацию для брака своих детей. — Феодалная лига сеньоров, собравшихся в Маконе вдовствующей королевой Маргаритой Прованской для отвоевания её провансальского наследства против притязаний Карла Анжуйского. — Персоны, сопровождающие герцога Бургундии; его заверения в преданности и письма к английскому королю. — Провал планов из-за Сицилийской вечерни. — Герцог не едет в Сицилию, но большинство феодалов Тоннеруа идут на помощь королю Иерусалима и Сицилии, графу Тоннера. — Участие Жуанвилей в этой экспедиции.

Преемник Гуго IV был человеком, наиболее способным продолжить начатое его отцом дело, и ни один из наших герцогов не способствовал более, чем он, упрочению и расширению герцогского домена. Блестящий рыцарь, большой любитель физических упражнений, турниров и охоты, простой и легкий в общении со своими приближёнными, он проявлял при дворе и на церемониях великолепие, которое выделяло его среди великих вассалов короны; Эдмонд Ланкастер, сын английского короля, воздавая ему почести, называет его *vir magnificus* (№4253) [муж великолепный]; Рудольф Габсбург, император Германии и король римлян, именует его *dux illustris* (4679) [герцог прославленный]; кардиналы римской курии вызывают к его мудрости и благоразумию, которые отводят ему первое место в королевском совете (1647—1648); папа Бонифаций VIII вверяет ему охрану своих владений; Филипп Красивый поручает ему важные миссии в Лангедоке, отправляет послом в Рим, даёт полномочия заключать важные мирные договоры с английским королём и т. д. Великий камергер Франции, зять святого Людовика; шурин Филиппа III; дядя королевы Марии Брабантской; дядя Филиппа IV; шурин короля римлян и связанный союзами со всеми великими вассалами, он сумел извлечь пользу из авторитета и преимуществ, которые обеспечивало ему его высокое положение; ему можно поставить в упрёк лишь недостаток осмотрительности в этом и то, что он неоднократно был застигнут на месте преступления в недобросовестности.

При этом он был весьма честолюбив, очень упрям в своих замыслах, очень ревнив к своей власти, мало терпим к посягательствам сеньоров и церковников, иногда произволен, открыто враждебен к коммунальным вольностям, с которыми он умел ладить, когда это было

в его интересах, всегда нуждался в деньгах и был мало шепетил в средствах их добывания, постоянно озабочен сохранением прав своего домена и увеличением его размеров, — его недостатки более, чем достоинства, способствовали приданию герцогству величия и значительности, плоды которых пожинали его преемники.

Роберту II было более двадцати пяти лет, когда он получил герцогскую корону [1], и можно с полным основанием удивляться, что потребовался акт эмансипации в 1272 году, чтобы освободить его от родительской власти и сделать способным руководить делами герцогства, в которое он был введён актом при жизни менее чем за год до смерти отца. Этот вопрос относится к одному из пунктов обычного права в Бургундии, представляющему немалый интерес. Дело в том, что принцип родительской власти признавался в провинции безоговорочно: «Дитя четырнадцати лет может быть его ленником и предстать в суде, если оно имеет свой дом и место, даже если его отец жив [2]». Но если неженатый ребёнок оставался при отце или матери, каков бы ни был его возраст, он считался несовершеннолетним, не имел права приобретать на своё имя, и родительская власть имела полную и неограниченную силу. При жизни родителей дети могли получить свою свободу, быть выведены из-под хлеба и похлёбки, лишь посредством брака, отдельного проживания или эмансипации.

Сразу после смерти Гуго IV в Виллен-ан-Дюэмуа Роберт занялся отданием последних почестей отцу. Монахи Фонтене пришли забрать тело, которое сначала было доставлено в Дижон, куда прибыли монахи Сито, чтобы оттуда сопроводить его в своё аббатство, к месту упокоения герцогов. Церемония погребения состоялась в воскресенье 30 октября 1272 года в присутствии Ги де Женева, епископа Лангра, Жерара де Бовуар, епископа Отёна, и всех баронов герцогства. Затем в церкви Сито был воздвигнут мавзолей стоимостью в пятьдесят ливров. После этого исполнители завещания покойного приступили к исполнению завещательных распоряжений, отчёт по которым поручено было вести Раулю де Бон, клирику и капеллану герцога; отчёт был частично завершён два года спустя в Боне в присутствии аббатов Сен-Бениня, Сито, Мутье-Сен-Жана и Жана де Блано, сеньора де Ноле [3].

Первые заботы Роберта были обращены на дела Дофине, управление которым он осуществлял, и на руководство юным дофином Жаном, сыном Гийома VI, опекуном которого он был. В январе 1273 года он прибыл в Вьенн, заключил договор с вдовствующей герцогиней Беатрисой, графиней Вьеннской и д'Альбон (№4085), и 7 апреля вернулся туда, чтобы торжественно принять её оммаж в церкви Сен-Морис этого города [4].

Не менее усердно стремился Роберт урегулировать со своей мачехой, герцогиней Беатрисой, имущественные вопросы, вызвавшие столько затруднений при жизни Гуго IV. Чрезмерные преимущества, предоставленные этой принцессе и её сыну Югенину, опекуницей которого она была, навлекли на неё придирки и нескрываемую враждебность в окружении герцога. Несмотря на охранную грамоту, полученную ею от Филиппа III, и предоставленного ей королевского сержанта для защиты от недоброй воли пасынка, она чувствовала себя не слишком безопасно в Бургундии, ни в замке Л'Иль-сюр-Серен, входившем в состав её вдовьего удела, и сначала укрылась во владениях своего брата Анри, графа Шампанского.

Покинув Дофине, герцог лишь проехал через Бургундию и прямо направился в Шампань к Беатрисе и Анри, в Сезанн. 18 мая 1273 года (4109—4111) он принял там оммаж графа, а на следующий день заключил соглашение со своей мачехой, уступив ей неохотно в качестве вдовьего удела шателению Шатильон-сюр-Сен, опеку над аббатством этого города, евреев местности с зависимыми от домена владениями, и земли, отписанные Югенину, опекуницей которого она была (4110). Оттуда Роберт отправился в Париж, получил у казначеев Храма десять тысяч франков, обещанных Филиппом III в качестве приданого его дражайшей супруги (4119) [5], которой он сам назначил в качестве вдовьего удела шесть тысяч парижских ливров дохода с Вержи, Монсени, Брансьона, Бомона, Бюсси, Ньюи и Шалона (4120), затем вернулся в Бургундию принимать оммаж своих вассалов; Жан де Шалон, сеньор де Рошфор, принёс ему свою

присягу в Боне 18 августа (4122); Умбер, сеньор де Ла Тур, признал в Маконе сюзеренитет герцога над своими фьефами Сент-Этьена и Колиньи, а Аме де Савойя сделал заявление относительно домена Кюизри (4123 и 4143).

В это же самое время Эдуард, король Англии, в сопровождении многочисленной свиты, направлялся к королю Филиппу III, возвращаясь из Италии. Бургундцы, желая устроить ему праздник при проезде, организовали турнир или поединок в Шалон-сюр-Соне. «Там было сражение, — говорит Матвей Вестминстерский, — но англичане оказались победителями и убили некоторых лиц, захватывавших добычу побеждённых, но поскольку последние были людьми низкого звания, дело не было продолжено».

В октавы Дня всех святых 1273 года состоялись заседания парламента, на которых обсуждались права внушек графа Неверского Эда Бургундского, права на владение которыми оспаривались Робертом Фландрским. Графство Осерское было присуждено Аликс, супруге Жана де Шалона, графство Неверское — Иоланде, вдове Тристана де Франс, а графство Тоннер — Маргарите, супруге Карла Анжуйского (4137).

Вспомним, что Бодуэн, император Константинополя, тронутый вмешательством Гуго IV, который обязался принять крест, предоставил ему для этой цели довольно значительные суммы, даровав ему и его потомкам королевство Салоник и его зависимые территории, либо же владения величайших бароний империи, которые он пожелал бы принять, с условием держать их от него в фьеф [6]. С тех пор как эти уступки были сделаны в 1266 году, многие события помешали осуществлению этих планов. Эд, граф Неверский, принял крест вместо своего отца и скончался в этой гибельной экспедиции, не успев завершить своё дело. Многочисленные затруднения, занимавшие последние годы правления Гуго IV, не позволили этому принцу сдержать своё слово. Эта забота перешла к Роберту, его преемнику в герцогстве, и, возможно, он имел намерение её выполнить, но постоянно возникающие осложнения, связывавшие его положение с положением короля Филиппа III, создавали препятствия этим великодушным решениям, и, следуя выражению папы Иоанна XXI, дьявол не переставал становиться поперёк этих часто подтверждаемых и всегда откладываемых планов.

Вселенский собор, назначенный во Франции на 1274 год, должен был подстегнуть рвение отставших верующих и вызвать новые присоединения. Герцог Бургундии получил официальное извещение об этом более чем за год до этого [7]. Созывая всех прелатов христианства в Лион и прибывая под защиту короля Франции, папа Григорий X имел в виду прежде всего освобождение Святой Земли и организацию крестового похода, для которого он хотел использовать все силы католического мира.

Король Филипп прибыл первым в Лион, куда вскоре присоединился герцог Бургундии, ибо этот бедный герцог, не имевший средств достойно выглядеть в этом путешествии, потратил некоторое время на их добывание. Напрасно он обращался к Жаку де Поммару, своему балыи Дижона, и мэру Бона за авансами, он вынужден был поручить клирику Раулю, своему милостыннику, которому мы обязаны этим наивным упоминанием, занять двести турецких ливров у монахов Сито: «В году 1274, когда король Франции отправлялся в Лион к Папе, и герцог выехал из Бона, чтобы последовать за королём в Лион, и у него не было издержек. Он просил Жака де Поммара, балыи, и Гьено Жомера, который был мэром (Бона), одолжить ему, они ему отказали. Я вернулся назад от Поммара, и он занял у меня от Сито 200 турецких ливров, которые он мне должен [8]».

7 мая в Лионе открылась сессия собора, которая продлилась до 17 июля и состояла из шести заседаний, после которых папа, провозгласив мир, заключённый между всеми христианами, объявил о своём удовлетворении, видя энтузиазм членов собрания и их твёрдую решимость участвовать в предприятии святой войны. Прелаты великодушно проголосовали за эту экспедицию, утвердив на шесть лет сбор десятины с церковных доходов; оставалось лишь сделать приготовления, и Григорий X предлагал самому встать во главе армии, если обстоятель-

ства позволят. Монастыри были поставлены перед необходимостью предоставить проголосованные взносы, но монахи Сито, весьма ревностные к своим интересам, не позволили папе покинуть Лион, не получив сначала освобождения от податей для аббатств своего ордена [9].

Ни король, ни герцог, по-видимому, не присутствовали на всём протяжении собора, ибо 21 июня Филипп III был в Орлеане [10], а в тот же день герцог Бургундии, вернувшись в свои владения, принимал отчёты Жака де Поммара, бальи Дижона, в присутствии своего совета [11]. Он собирал средства, чтобы достойно выглядеть на церемониях бракосочетания своей племянницы Марии Брабантской, королевы Франции, которое состоялось месяц спустя и на несколько дней послужило поводом для великолепных празднеств.

Папа был столь доволен отношением короля, ревностного сторонника святой войны, что направил ему поздравления, дабы ободрить его в его замыслах. По примеру великих баронов королевства герцог Бургундии проявил такое же рвение к экспедиции в Заморье и имел случай возобновить свои обеты в день Святого Иоанна Крестителя 1275 года, на коронации своей племянницы, в дворцовой капелле. На этот раз он также торжественно получил освящённые кресты, как и король, королева и великие сеньоры, присутствовавшие на церемонии [12].

Приготовления, производившиеся в то же время, указывают на твёрдое намерение герцога выполнить свои обязательства и довести своё предприятие до благополучного конца. Мы видим, как он объезжает свои шателени, торопит своих сборщиков, заставляет их отчитываться в Аржии, Рувре, Эзе, Монсени и принимает меры для сбора всех денежных средств, которыми мог располагать. Он уже заключил договор с Жаном де Шуазёлем, коннетаблем Бургундии, который должен был его сопровождать, и утвердил на один год условия этого соглашения, которые должны быть такими же, как и те, что предоставлены королём его рыцарям. Он обещал ему две тысячи пятьсот турецких ливров для него и его рыцарей, не считая доходов от коннетабльства, и вся свита должна иметь *boîche à cour*, то есть содержаться за счёт герцога [13].

Затем, поскольку собранных до тех пор средств было далеко недостаточно для покрытия нужд крестового похода, Роберт захотел получить от императора Константинополя субсидии за счёт королевства Салоник, инвестиру на которое получил герцог Гуго IV. С этой целью он отправил двух послов, графа Водемона [14] и сеньора де Марэ, с верительными грамотами и подробными устными инструкциями, которые Рауль де Бон, клирик герцога, позаботился записать и сохранить для нас. Эти послы должны были изложить императору намерения и приготовления Роберта, представить запечатанные грамоты, содержащие дарение, ранее сделанное Гуго IV, и получить как можно больше помощи [15]. Мы не знаем точно результата шагов, предпринятых двумя посланцами, но они, по-видимому, преуспели в своих переговорах и привезли подтверждение владения королевством Салоник, поскольку это владение было ратифицировано последующими актами, и в частности в 1305 году (№5796).

Новые осложнения вновь препятствовали экспедиции в Святую Землю, не замедляя приготовлений; два года спустя бароны Франции, собравшиеся на общее собрание, включая герцогов Бургундии, Бретани, Фландрии, графов Шампанского, Клермонского, Барского, Неверского, Дрё, Монфора, офицеров короны и других великих вассалов, направили папе требование о предоставлении им права на сбор пятнадцатины с имущества тех, кто ещё не принял крест [16].

Было предопределено, что это прекрасное рвение не должно привести ни к какому результату среди войн, которые королю Франции приходилось вести, и что ещё долго нельзя будет использовать ресурсы и силы, собранные с таким оглушительным блеском. Некоторое число крестоносцев успокоит свою совесть, приняв участие в Арагонской экспедиции, которая будет рассматриваться как священная война; другие, остановленные различными препятствиями, будут вынуждены выкупить себя и получить освобождение от своих обетов у Святого Престола. Алиса д'Эгремон, дама де Шуазель, супруга коннетабля, будучи уже пожилой в 1289

году и не сумев выполнить своего обязательства, получает освобождение от своих обетов и отпущение грехов за счёт субсидии, соразмерной её денежным средствам [17]. Дрё де Мелло и его жена Жанна получили отпущение грехов от папы Николая IV и по тем же причинам, при условии уплаты определённой суммы денег [18]. Маргарита Бургундская, королева Сицилии и графиня Тоннера, была освобождена от обетов крестоносца за цену в полторы тысячи турецких ливров, но поскольку она была сильно обременена долгами из-за своих благодеяний и строительства своих госпитальных домов, сумма была снижена до тысячи ливров [19]. Жан, сеньор де Шатовилен, страдающий от болей и уже преклонного возраста, получил освобождение от папы Николая IV и подтвердил его у Бенедикта XI [20].

Герцог не лучше исполнил своё обязательство и употребил на другие нужды сумму в десять тысяч ливров, завещанную Гуго IV для помощи Святой Земле, но он оставил за собой право выкупа обета за пять тысяч ливров, и эти суммы, включая шестьсот ливров, предназначенных Пьером д'Осонном для крестового похода, ещё не были использованы, когда Роберт составил своё первое завещание в 1297 году. Он распорядился, чтобы совокупность этих субсидий, то есть пятнадцать тысяч шестьсот ливров, были выданы Жану де Шуазёлю, готовому отправиться лично с тринадцатью рыцарями в первый общий пассаж, или, в случае его неспособности, Либо де Бофремон, маршалу Бургундии (№5377).

На заседаниях парламента в День всех святых 1275 года Роберт предстал не как член этого собрания, а как заинтересованная сторона в дискуссиях, уже некоторое время ведущихся с Робертом де Домпьером, графом Неверским, относительно наследства его супруги Иоланды. Английский король, вызванный на эту сессию, принёс извинения Филиппу III за невозможность присутствовать на ней в качестве герцога Аквитании (4239). Лишь пять лет спустя, после долгих прений, сделка, составленная под властью короля, положила конец этим дискуссиям.

Сближение между герцогом и его мачехой произошло в июле 1276 года, когда его сестра Беатриса вышла замуж за Гуго де Лузиньяна, графа де Ла Марш и Ангулема; он воспользовался этим, чтобы заставить новобрачных подписать его согласие на пункт завещания Гуго IV, который был для него не самым невыгодным, и чтобы получить безоговорочно сумму в пять тысяч ливров от своей мачехи (4272—4274). Это доброе согласие было лишь временным, поскольку оба они вновь встретились в Боне 2 сентября, оба обещая довериться арбитражу Жака де Ла Роша, каноника Отёна, и Гуго д'Арси, каноника Осера, и решив, что в случае, если арбитры не смогут найти решения для примирения, дело будет передано на суд короля (4282).

До этих соглашений герцог получил королевский вызов, приглашавший его явиться со своими феодалами для вторжения в Кастилию, дабы наказать происки Альфонсо X в Наварре и узурпацию дон Санчо [21]. Роберт начал приготовления к отъезду, собирал свой совет, торопил своих сборщиков предоставить ему средства, занимал у Алиота, еврея из Шатильона, брал аванс в шестьсот ливров у своего балы Жака де Поммара и, 9 сентября, после отчёта в Аржии с Жаном де Бразе и Пьером д'Остеном, балы Осонуа [22], отправился в Совтерр увеличивать грозную армию Филиппа III, которая, изгнанная дождями и ненастным сезоном, вернулась, не сумев ничего сделать.

Союз Марии Брабантской с королём ещё более укрепил связи, соединявшие Роберта с королевской семьёй, и увеличил его кредит; именно после этого времени он был назначен великим камергером Франции, звание, которое встречается уже в июне 1277 года, несмотря на уклончивое и неопределённое утверждение «Искусства проверки дат» [23]. Прибытие принцессы мудрой и прекрасной, учёной и остроумной, чьи достоинства воспевают современники и которую король очень любил, собрало вокруг неё главных сеньоров двора, весьма недовольных неоправданным влиянием фаворита и камергера Пьера де Ла Бросса. Этот царедворец, скрывавший скромность своего происхождения великолепием, несоразмерным с его рождением, не мог не возбуждать зависти и недовольства сеньоров; но его величайшей виной было то, что он не угодил новой королеве [24] и главным образом герцогине Бургундии.

В окружении Марии Брабантской следует назвать среди самых верных и усердных её брата Жана Брабантского, герцога Роберта, её дядю, виконтессу Лиможскую, её тётю, графов Артуа, Бретани, Голландии, Бара, Сен-Поля, сеньоров де Нель и де Куси и множество девиц, приехавших из её страны, которые составляли немалую привлекательность для молодых сеньоров, желавших воспользоваться удовольствиями двора [25]. Все они разделяли ту же антипатию к королевскому фавориту: «Не прошло много времени, как Пьер (де Ла Бросс) был возвращён в Париж, и бароны велели его повесить. И знайте, что граф Артуа, герцог Брабантский и герцог Бургундский, и множество других дворян королевства сопровождали его до виселицы и не хотели удалиться, пока он не был повешен; и там хорошо проявилось, что они его вовсе не любили [26]».

Немилость и падение фаворита стали предметом празднеств и увеселений, и мы полагаем, что именно в это время состоялся в Компьене турнир, в котором участвовал герцог Роберт, согласно отчёту Пьера Видаля, его мастера монетного двора, в 1278 году [27]. Этот поединок, возможно, тот же самый, что и турнир, упомянутый в «Романе о Гаме», где говорится о короле:

Прибыл в Компьень или Крей
Множество рыцарей в белом и красном
Свершать подвиги пред ним.

В окружении королевы также выделялся, но несколько позже, человек странный, капризный, щедрый и безумно расточительный, Отте, пфальцграф Бургундии, чьё имя так часто будет появляться в этой истории. Он говорил, что им движет великая любовь к королю, после того как испытал не меньший энтузиазм к герцогу, который ввёл его в эту близость ко двору, где его удерживали впоследствии более объяснимые привязанности. На данный момент Отте находился в самых тесных дружеских отношениях с Робертом, которому расточал чувства крайней преданности; он следовал за ним во всех его перемещениях, даты которых дают определённые акты.

В течение первых трёх месяцев 1280 года герцог возил его из замка в замок, устраивая везде празднества и умножая на каждом этапе увеселения, поединки и турниры. Можно задаться вопросом, не преследовал ли Роберт, человек положительного и рассудительного характера, впрочем весьма обаятельный, следующий традициям своей семьи и всё ещё мечтающий о суверенитете, ускользнувшем от его отца в графстве, какую-то заднюю мысль, льстя тщеславию своего гостя, который только что был посвящён в рыцари и который после смерти матери вступил во владение своими землями в предыдущем году. Отте уже находился в руках ломбардских ростовщиков, ибо его положение было затруднительным; его финансы были истощены войнами и бесчисленными расточительствами, и он должен был Филиппу Савойскому одиннадцать тысяч вьеннских ливров, цену выкупа прав Беатрисы д'Орламюнд, которые этот принц ещё не вернул [28].

Герцог и граф Бургундии пребывали с 25 февраля по 3 марта в аббатстве Без и заключили там договор о союзе с обязательством взаимной защиты. Отте обещал помогать Роберту большой и малой силой каждый раз, когда его попросят, за исключением случаев против императора Германии и Жана де Шалона, графа Осера и сеньора де Рошфор (4448). Герцог обязался клятвой на тех же условиях и в идентичных выражениях, оставляя за собой, однако, обязательные обязанности, которые он нёс в отношении короля и епископов; они взаимно запрещали себе право принимать людей своих фьефов и делать приобретения во владениях друг друга (4449). Из Беза они направились в Рувр, и именно в этой местности, полагаем мы, состоялись турниры, если судить по упоминанию в отчёте этого года, касающемуся расходов на приезд бойцов [29]. В Эзе-ле-Дюк Отте объявляет, что его камергер Жирар де Доль, прозываемый де Л'Опиталь, владеющий несколькими доменами в Сент-Элье и Доле, сохранит пользование

ими пожизненно, и что его дражайший друг и благородный Роберт получит верность и оммаж за эти фьефы после его смерти, не имея права отчуждать их (№4451).

В Дижон прибыли уже 19 марта, а может быть, и раньше. Соглашения, заключённые в Безе, были там возобновлены, равно как и брачные обещания между Алисой, дочерью Отте, тогда ещё очень юной, и Жаном, старшим сыном герцога; было также решено, что если невеста умрёт, её заменит её младшая сестра, и что если сын герцога скончается, его место займёт один из его братьев. В своём упоении Отте решил немедленно вернуть Алису, тогда удерживаемую Тибо, графом Бар-ле-Дюк, её дедом, чтобы отдать её герцогу Бургундии, при дворе которого она должна была содержаться и воспитываться. Роберту оставалось лишь скрепить эти грамоты и дать гарантии относительно обещанного и подлежащего передаче приданого при осуществлении этих планов. И как будто этих договоров, заключённых торжественно с клятвенными формулами на святых евангелиях, было недостаточно для освящения, их пришли скрепить новыми обязательствами под монастырскими галереями аббатства Сито в четверг 25 марта (4455). Роберт, которого туда не сопровождала его канцелярия, велел приложить печать к этим договорам лишь на следующий день, 26 числа, вернувшись в Рувр со своим гостем и свитой. В более пространном тексте он говорит о диспенсациях, которые они будут стараться получить от папы для брака своих детей, связанных родством в четвёртой степени. Приданое Алисы должно было сначала составлять четырнадцать тысяч эстеванских или турских ливров, что заставляет думать, что эти монеты почти эквивалентны, и будет состоять из Шато-Шалона, Бландана, Бракона, Салена и зависимых территорий. В порыве своей радости Отте даже обещал юной принцессе графство Бургундия, если у него не будет наследника мужского пола (4456). Эта возможность аннексии должна была быть для Роберта самым привлекательным стимулом такого союза и осуществлением мечты, так долго лелеемой домом Бургундии; но на данный момент ни брак, ни мечта не должны были осуществиться.

Среди персон, сопровождавших графа Отте в Рувр, следует назвать Филиппа де Вьенна, его шурина, супруга его сестры Агнессы, и Анри де Пани, сеньора де Сент-Круа, дядю Филиппа, оба сильно обременённые долгами из-за безумных расточительств, которые продали в тот же день герцогу свои крепости Мерван и Лонжпьер (4457). Но поскольку этой продажи было недостаточно для ликвидации положения Филиппа, который говорил, что сильно стеснён долгами своего отца, суммами, которые он должен ломбардцам, гражданам Бона и другим, он уступил ещё Роберту домен Пани и его зависимые территории (4461). У него также были кредиторами купцы из Асти, если судить по шагам, которые он предпринял у герцога, чтобы угодить им и получить для них и их семей охранную грамоту на девять лет, разрешающую им проживать в Сёрре (4471).

Все рыцари свиты графа Бургундии наконец покинули герцогский двор в конце марта или начале апреля 1280 года. Три месяца спустя Роберт был в Париже, представая перед королём вместе с графом Неверским по поводу их бесконечных споров о правах на наследство Гуго IV и относительно суммы в тысячу ливров, которую герцог должен был выплачивать ежегодно. Было условлено, что эта сумма, вместо того чтобы взиматься с доходов Отенуа, шателений Гленн и Арне, будет выплачиваться графу непосредственно домом Храма (4473).

В знак доверия и в ответ на проявления дружбы со стороны графа Бургундии, именно Отте Роберт вверил охрану своих владений, когда был вызван королём для участия в конгрессе в Мон-де-Марсане. Уведомление об этом было сделано в Монсени 16 сентября и направлено всем шателенам, вассалам, бальи, прево и коммуна герцогства (4482). Герцог, собиравший тогда средства для совершения этой поездки, вернулся в Бон 22 того же месяца, чтобы отчитаться со своим милостынником Раулем и своим камергером Одо де Менаном [30], и присоединился к Филиппу III в Мон-де-Марсане, где происходили переговоры между этим принцем и Альфонсо X, королём Кастилии, ведшиеся папой с целью примирения государей [31]. После переговоров, не приведших ни к какому результату, герцог последовал за королём в Муассак

и отпраздновал там Рождество; акт купли-продажи, составленный в этом городе, свидетельствует о присутствии Умберта де Божё, коннетабля Франции (4590). Все эти персоны присутствовали в январе 1281 года на парламенте в Тулузе и на встрече королей Франции, Арагона и принца Салернского. Герцог Бургундии вернулся в Бургундию лишь в конце февраля, где его присутствие зафиксировано в Таланте 19 этого месяца [32].

Во время этого отсутствия временный наместник Роберта, пфальцграф, не покидал герцогства и даже обосновался там с другими сотрапезниками [33]. Актом дарения при жизни, датированным Осонном 4 июня, Отте уступил своему дражайшему другу фьефы, доставшиеся от Жана де Шалона, его деда, присоединив к ним Доль, Шато-Шалон, Сален, Нёблан, Шоссен, Во, Пем, то есть все владения между реками Ду, Соной и Оньоном (4511). Король, будучи извещён об условиях, установленных между ними для брака их детей, приказал 1 августа возвратить Алису Тибо, графу Бар-ле-Дюк, её деду, и постановил, что она будет передана Роберту в замке Бурмон к празднику Богородицы. Но Филипп III, знавший непостоянство ума и легкомыслие пфальцграфа, поставил условием, что если через два месяца Алиса не будет обручена с Жаном Бургундским, герцог обязан будет возвратить её графу Барскому в его замок Ла-Мотт под угрозой штрафа в шестьсот ливров (4518).

Несмотря на это королевское повеление и поспешность, с которой они действовали, неразлучные друзья увидели свои желания отсроченными различными формальностями; мы находим их обоих 25 января 1282 года [34] в Лионе, куда они прибыли к архиепископу этого города, чтобы получить от него церковную диспенсацию, необходимую из-за близкого родства будущих супругов; но митрополит, не пожелавший взять на себя ответственность за этот акт, отослал их к папе. Отте отправился туда один и получил от Мартина IV разрешение и диспенсацию на брак, которому не суждено было состояться (4536).

Роберт был в Рувре 28 октября 1281 года, когда принял оммаж от Филиппа де Вьенна, сеньора де Сёрр и де Пани, и его брата Жана за домен Мирбель (4529). Он отбыл оттуда со своими кузенами, чтобы прибыть в Макон, где вдовствующая королева Маргарита Прованская собрала множество сеньоров, на которых рассчитывала для защиты своих прав и отвоевания своего провансальского наследства против притязаний Карла Анжуйского, короля Сицилии. Там находились графы Савойи, Отте, пфальцграф Бургундии, Эдмонд Английский, граф Шампанский, Пьер, граф Алансонский, епископ Лангра, архиепископ Лионский. Персоны, присутствовавшие на этой феодальной лиге в Маконе, образованной с согласия короля, казались преданными интересам королевы и главным образом Ги де Женеви, епископу Лангра [35]. Все поклялись служить ей и совещались о мерах, которые следует принять для отвоевания её наследства силой оружия. Герцог Роберт, как и другие, дал скреплённые печатью грамоты с обязательством явиться в следующем году в оружии в Лион и сделал заверения в преданности не только королеве, своей тётке, но и главе английской партии, самому королю Эдуарду, который присоединился к лиге. Послания того времени слишком редки, чтобы мы опустили это, воспроизведя его целиком:

«Превысокому и могущественному государю, дорогому сеньору Эдуарду, по благодати Божией преславному королю Англии, государю Ирландии и Аквитании, его во всём. Роберт, герцог Бургундии, камергер Франции, привет и готовность к его добрым удовольствиям. Государь, мы получили ваши просьбы относительно вашего давнего дела, которое вы имеете против некоего лица. И знайте, государь, что в деле вашем и ваших людей мы все готовы, и вам не нужно нас просить; но приказывайте и повелевайте вашу волю, как тому, кто все и всегда были вашим. Да хранит вас Господь. Дано в Париже, в субботу после дня Святого Николая зимнего [36]».

Все планы в пользу Маргариты Прованской рассеялись во время резни Сицилийской вечерни, произошедшей 30 марта 1282 года, известие о которой достигло Франции лишь некоторое время спустя. Сочувствие, вызываемое несчастьем, увлекло некоторое число рыцарей,

желавших отомстить за смерть своих братьев по оружию. До этого события Карл Анжуйский увлёк за собой своих феодалов из Тоннеруа, младших сыновей семей, которых он привязал к своей службе и которые более не появлялись на своей родине. Другие сеньоры из окрестностей последовали этому увлечению и отправились искать в тех далёких краях удачу и положение, которых не могли найти у себя. Назовём Рауля де Куртене, графа Кьети, рыцаря-держателя дома (1269—1278), который, по-видимому, принадлежит к семье Куртене, сеньоров де Танле; Жирара д'Ируэр, шателена Канозы, рыцаря-держателя дома (1269—1284); Гоше де Мери-сюр-Йонну, праправнука хрониста Виллардуэна и сына коннетабля Романии, рыцаря-держателя дома (1270); Ги де Монбара, капитана Аквилы, рыцаря-держателя (1274—1281); Жана де Неля, клирика дома (1277—1283); Миля де Паси, шателена крепости (1276—1283); Гиара и Гийома д'Аржантёй, из которых первый был рыцарем дома, затем шателеном Корфу (1272—1278); Гийома де Ружмона, рыцаря (1280); Жана де Тиля, рыцаря-держателя, шателена Авелино (1269—1279); Ансерика де Туси, командующего флотом; Филиппа де Туси, адмирала королевства; Наржо де Туси, рыцаря-держателя, генерал-капитана Албании и герцогства Дураццо, затем генерального викария Ахейи и Мореи (1269—1277) [37].

После 1282 года мы видим появление новых имён в Сицилии, как Жан де Санси, рыцарь дома, и особенно старшего сына сенешаля Шампани и славного историка святого Людовика, которому уже предшествовали другие члены семьи Жуанвилей, сходство имён которых вводит генеалогов в заблуждение при определении их тождества. Жоффруа де Жуанвиль, сеньор де Брикне, имел интересы в нашем регионе с момента своего брака в мае 1270 года [38] с Мабиль де Виллардуэн, дамой де Лезинн, тогда вдовой Эрара де Шатильона, сеньора де Нантёй, от которого у неё были дети. С этого союза Жоффруа чаще всего принимает титул сеньора де Нантёй; он носит это звание, когда освобождает жителей Ампии-ле-Сек от права мёртвой руки [39], и три месяца после Сицилийской вечерни, когда даёт своей жене доверенность на управление и распоряжение своим имуществом в момент своего отъезда на помощь Карлу Анжуйскому [40].

«Искусство проверки дат» говорит относительно герцога в отрывке между двумя абзацами: «Роберт, в 1282 году, отправился в Италию на помощь Карлу I, королю Неаполя, дяде герцогини Агнессы». Мы тщетно старались найти источник и след этого утверждения, которое не подтверждается никаким текстом; до представления доказательств обратного следует отвергнуть это заявление как ошибочное [41].

Авторы этого важного собрания, часто неточные в том, что касается нашей провинции, должны были спутать герцога с графом Бургундии, который действительно отправился со своими феодалами в эту экспедицию. Что касается Роберта, возможно, он давал надежду на какую-то помощь Карлу Анжуйскому, несмотря на свои прежние обязательства перед Маргаритой Прованской, ибо 23 июня 1283 года король Иерусалима и Сицилии, в тоне нескрываемого недовольства и письмом, датированным Муассаком, предоставлял герцогу отсрочку до Пасхи, чтобы получить ответ, который тот должен был дать ко дню Святого Иоанна относительно договора, заключённого между ними и императором Константинополя [42]. Момент был выбран для Роберта крайне неудачно, тогда он был сильно озабочен делами Дофине и борьбой, которую ему предстояло вести там для защиты своих прав.

Примечания к главе XXXIX:

[1] Иоланда де Дрё, мать Роберта, первая жена Гуго IV, скончалась 30 октября 1248 года.

[2] Coutumes Anciennes (Старинные обычаи), титул III, статья 18.

[3] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[4] Рауль, клерк (писец) герцога, занес в свой регистр некоторые оммажи, принесенные в первые годы правления Роберта.

[5] Достоверно, что брак герцога Роберта с Агнессой Французской был заключен в 1273, а не в 1279 году, как утверждается в *L'Art de vérifier les dates*.

[6] См. наш том V.

[7] 13 апреля 1273 года. Письмо папы Григория X; Гийо, *Registres de Grégoire X*, №308.

[8] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[9] Буллы от 20 и 31 августа 1274 г.; Гийо, *Registres de Grégoire X*, №399 и 402.

[10] Ланглуа, *Philippe le Hardi*, стр. 390, прим. №29.

[11] Советники герцога, присутствовавшие на этом заседании: Гильом, сеньор де Грансе, Пьер д'Осонн, Рауль де Лаер, Жан де Бразе и Рауль де Бон, его милостынераздаватель (раздатчик милостыни, элмониер). Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[12] *Chronicon Lemovicense* (Лиможская хроника). В собрании Буке, т. XXI, 786 В.

[13] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312, л. 112 об.

[14] Графы Водемон состояли в родстве с нашими герцогами. Гуго I, граф Водемон, умерший в 1163 году, был женат на Эжелин, дочери герцога Гуго II. — В 1297 году Анри, граф Водемон, и его жена Аликсан приносят оммаж герцогу Роберту за Землю Фе-Бийо (№5363).

[15] Мы считаем необходимым привести эту страницу, которая представляет собой фрагмент современной хроники:

«Граф Водемонский и сеньор де Марре скажут согласно грамоте о полномочии, которая у них есть, и которая адресована императору Константинопольскому, что герцог готов соблюсти соглашения, которые герцог Гуго, его отец, заключил с императором Балдуином, и о которых он просит императора, чтобы тот сохранил за ним указанный дар, который названный Балдуин, его отец, ему сделал, как то изложено в грамоте названного Балдуина, с текстом которой граф и сеньор де Марре ознакомились и которую видели и держали в руках, скрепленную печатью императора Балдуина, и герцог готов отправиться в [этот] завоевательный поход, как того требуют соглашения. Они будут добиваться этой просьбы в течение трех месяцев, и если им покажется, что они не смогут полностью достичь этой просьбы, они поступят наилучшим образом, какой только смогут, согласно воле другой стороны. И прежде всего, они смогут добиться такой отсрочки, чтобы дар был утвержден в качестве фьефа. И если они не смогут этого сделать, они смогут отказаться от всего, что указано в грамоте в их пользу, с тем чтобы герцог получил королевство Фессалоникское свободно для себя и для своих наследников. И если они не смогут сделать большего в пользу герцога, то пусть возьмут королевство Фессалоникское и будут держать его в качестве фьефа от императора, и откажутся от остального, и если таким образом это последнее соглашение будет заключено, пусть оговорят, что на решение, которое вынесет король, нельзя будет апеллировать, и герцог пожелает, чтобы фьеф был от императора или от короля, кому из них будет угодно, и они обговорят, чтобы служба была обусловлена [наличием] определенного количества людей и на определенный срок, и если они не смогут [добиться] этих вещей, они должны будут знать, что им следует сказать и потребовать о другом деле».

Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312, л. 117, регистр того времени.

[16] Булла Николая III, декабрь 1277 г.; Подлинник в Национальном архиве, J. 449, №108.

[17] 4 января 1289 г.; Ланглуа, *Registres de Nicolas IV*, №449.

[18] 15 февраля и 18 мая 1291 г.; Ланглуа, *Registres de Nicolas IV*, №4111 и 5061.

[19] 7 сентября 1291 г.; Ланглуа, *Registres de Nicolas IV*, №5936.

[20] 20 мая 1304 г., Гранжан, *Registres de Benoit XI*, №4072.

[21] *Gesta Philippi III Franc. regis* (Деяния Филиппа III, короля Франции), собр. Буке, т. XX, стр. 504. См. Ланглуа, *Philippe le Hardi*, стр. 104—108.

[22] Эти упоминания взяты из фрагментов счетов за 1276 год, Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[23] *L'Art de vérifier les dates* утверждает: «около 1294 года герцог Роберт уже более пятнадцати лет как был назначен великим камергером».

[24] Анонимная хроника, собр. Буке, т. XXI, стр. 92, и Хроника Жана д'Утремёза, т. V, стр. 418.

[25] Собр. Буке, т. XX, стр. 180; см. Ланглуа, *Philippe le Hardi*, стр. 33—34.

[26] Анонимная хроника, собр. Буке, т. XXI, стр. 95—96.

[27] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312, л. 151.

[28] См. наш том V, глава XXXVI. Оттон, граф Бургундский, имел пять братьев и семь сестер. И те, и другие, по крайней мере те, кто нам наиболее известны, судя по всему, не отличались более уравновешенным характером, чем их брат. Рено, ставший сеньором Монбельяра благодаря браку с Гийомом де Нёвшателем, вел с епископом Базеля разорительные войны, которые закончились для него осуждением или штрафом в восемь тысяч ливров турских. Гуго, сеньор Пор-сюр-Сон, гордого и дерзкого нрава, постоянно с оружием в руках, был готов при любых обстоятельствах вести войну за свой счет и вмешиваться в нее за чужой. Этьен, младший из братьев, каноник Безансона, не отличался более уживчивым нравом и имел с Оттоном чрезвычайно острые споры по поводу раздела отцовского имущества (№5913). — Одна из сестер, Беатриса, приняла постриг, но позже утверждала, что ее отдали в монастырь против ее воли, что она всегда протестовала, и папа Николай IV в 1289 году освободил ее от обетов (№5866).

[29] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312. — Оттон недавно вернулся с турнира, который состоялся в Монсе. Имеется квитанция от февраля 1279 года на сумму в триста шестьдесят ливров, выданная торговцу лошадьми для покрытия убытков, понесенных им и его товарищами на турнире в Монсе (Клерк, *Essai sur la Franche-Comté*, т. I, стр. 472).

[30] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[31] См. Ланглуа, *Philippe le Hardi*, стр. 81 и след.

[32] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 312.

[33] Среди этих сотрапезников был Жирар де Доль, камергер пфальцграфа, которого Роберт и Оттон осыпали щедрыми дарами (4502 и 4502 bis).

[34] В Лионе пфальцграф подтвердил прежние дарения, сделанные герцогу: замки Бракон, Сален, Доль, Шоссен, Понталье и др. (4531).

[35] Все эти имена, включая имя герцога Бургундского, приведены в письме, адресованном Маргаритой Прованской королю Англии. «... И на это они все вместе и каждый в отдельности ответили нам, что они помогут нам телом, имуществом, землей и людьми, малыми силами и большими, в отстаивании нашего права всякий раз, когда мы их об этом попросим, и что они будут препятствовать тому, чтобы названный принц мог прибыть в указанное королевство. И в подтверждение этого они все дали нам свои запечатанные грамоты, чем мы весьма довольны перед вами и перед всеми нашими друзьями» (Неопубликованные документы; Шампольон-Фижак, *Lettres de rois et reines*, т. I, стр. 265—266).

[36] Record Office, *Royal Letters*, т. XI, №2171; Шампольон-Фижак, *Lettres de rois et reines*, стр. 268. — Впрочем, это письмо содержит лишь обычные формулы вежливости. Двумя годами ранее Роберт письмом, датированным 31 марта 1279 года в Боне, просил короля Эдуарда оставить монастырю Сито доходы от церкви Скедебур в Англии, чтобы помочь тем, кто приезжает на генеральный капитул Сито (1402). — Сам герцог получил в 1282 году письмо от короля Англии с просьбой ходатайствовать перед Филиппом IV, когда граф д'Арманьяк, впавший в немилость во второй раз, был заключен в крепость Перуз, Rec. off. Chancery, misc. Portef. VII, №29; см. Ланглуа, *Philippe le Hardi*, стр. 191.

[37] Дюррьё, *les Archives angevines de Naples*, стр. 311, 313, 347, 350, 356, 360, 373, 374, 389, 390.

[38] Мабиль получила от своих братьев Эрара и Гийома в пользу своего брака с Жоффруа де Жуанвилем сумму в пятнадцать сотен ливров и триста ливров ренты в землях (Наш картулярий Вильардуэнов, №162).

[39] В 1274 году Жоффруа де Жоанвиль, сеньор де Нантёй, его жена Мабиль и Гоше [де Шатийон], сын Мабиль, являются концессионерами этой хартии вольностей (фран-

шизы) Ампийи-ле-Сек (очень испорченная французская копия, архив департамента Кот-д'Ор; издана, Гарнье, Chartes de communes, т. II, стр. 338). — В мае 1277 года Жоффруа де Жуанвиль, сеньор Нантёя, по согласию со своим братом Жаном, дает свое согласие на продажу, совершенную их отцом Жаном тамплиерам Руэ (Подлинник в архиве департамента Верхняя Марна, командорство Руэ, 2-я папка, Жювины).

[40] Видимус 1284 года в плохом состоянии, архив департамента Об, G. 3834; текст доверенности на французском языке относится к августу 1282 года (наш картулярий Вильардуэнов, №188). Мы могли бы добавить другие, еще не известные документы, относящиеся к ветви старшего сына историка святого Людовика, чье потомство недостаточно установлено, несмотря на превосходную работу г-на Делаборда: Jean de Joinville et les sires de Joinville.

[41] Об этом не упоминается в наиболее авторитетных трудах и последних публикациях на эту тему: Леон Кадье, Essai sur l'administration du royaume de Sicile par Charles Ier et Charles II d'Anjou; Дюррё, les Archives Angevines de Naples, и др.

[42] Национальная библиотека Франции, Коллекция Бургундии, т. XXIX, л. 82. Это письмо доказывает, что Роберт не высказался четко в пользу Карла Анжуйского и что он отложил дату окончательного обязательства.

Глава XL. — Правление Роберта II (продолжение)

ДЕЛА И ВОЙНА ЗА НАСЛЕДСТВО ДОФИНЕ.

Хорошие отношения между герцогами и дофинами. — Возможное наследование Дофине обеспечено герцогам. — Завещательные распоряжения Гига VI в их пользу. — Договор и соглашение между Робертом и Дофине. — Принесение оммажа герцогу в Вьенне. — Брак Гумберта де Ла Тур с дофиной Анной. — Планы герцога выдать свою дочь Маргариту за дофина Жана. — Споры и новое соглашение. — Смерть дофина Жана. — Подготовка к войне между Гумбертом де Ла Тур и герцогом Бургундии; союзники Гумберта; союзники герцога. — Сеньоры де Жу, д'Юзи, д'Антиньи, де Сент-Круа, д'Андело, де Тулонжон, де Верден-сюр-Дуб, Колиньи, Фребюан, Версайе, Жюи, Домпьер, Морне, Жарре. — Начало военных действий. — Осада Треффора, замок которого разрушен. — Герцог в Бург-ан-Бресе. — Первое перемирие. — Роберт присутствует на свадьбе своего племянника Филиппа, сына короля. — Возобновление военных действий; ужас в сельской местности в Бурге, Сен-Тривье, Баже, Шатийон-ле-Домб. — Второе перемирие; нарушение перемирия; ответные действия. — Герцог на Парламенте Всех Святых в Париже. — Финансовые затруднения Роберта; уступка виконтства Дижон; освобождения. — Переговоры о браке Изабеллы, сестры герцога, с Рудольфом Габсбургом. — Роберт передает Изабеллу королю Римскому в Ремирмоне, и их свадьба празднуется в Базеле. — Передача Дофине герцогу Рудольфом. — Возобновление военных действий; война в Сен-Тривье, Шатийон-ле-Домб, Бург-ан-Бресе, Пон-де-Во, Сажи. — Осады Сен-Жермена, замка Ла Террас в Треву, Кюизи, Сен-Андре-ан-Ревермон, Отвиль, Марбо. — Кампания, прерванная войной в Арагоне. — Филипп, граф Савойи, ведет переговоры от имени герцога с дофином о третьем перемирии. — Вмешательство короля после похода в Арагон для заключения окончательного мира. — Соглашения, переговоры и арбитражи. — Ревермон уступлен герцогу вместе с различными замками после расследований и дознаний. — Компенсация в двадцать тысяч ливров, выплаченная герцогу сеньором де Ла Тур. — Дофина возмещает Гумберту его неудачи. — Обмены с Амедеем, графом Савойи, владениями Ревермона и другими землями на шателении Сажи, Кюизри, Савиньи. — Жители этих областей, столь пострадавшие от войны, оплачивают расходы по этим обменам.

Герцоги Бургундии Эд III и Гуго IV всегда сохраняли превосходные отношения с дофинами Вьеннуа, своими родственниками. В их интересах было щадить их и поддерживать узы дружбы, связывавшие их с этим семейством, чьи важные владения могли, в случае необходимости, вернуться в герцогский домен.

Гуго IV жил в наилучших отношениях со своим двоюродным братом Гугоном VI, который первым завещанием, найденным лишь несколько лет назад и датированным 1264 годом [1], назначил его своим душеприказчиком, доверил ему опеку над своими дочерьми Анной и Екатериной и даже обеспечил герцогу и его наследникам наследование за его детьми, если те умрут без потомства.

Анна, старшая дочь, еще не вышедшая замуж, должна была унаследовать Дофине, и, в случае ее смерти, ее должна была заменить Екатерина. Жена дофина, Беатриса Савойская, дочь Пьера Савойского и Агнессы, дамы де Фосиньи, должна была управлять владениями под руководством Гуго IV или сына, который наследует ему в герцогстве. Но в случае, если она вступит во второй брак, и даже если она решит уйти в монастырь, один герцог возьмет на себя руководство делами, назначив вдове ренту в тысячу ливров.

Текст этого документа также излагает различные договоренности на случай рождения других детей и позволяет предположить, что дофина Беатриса была в то время беременна. Вскоре после этого действительно родился сын Жан, которому было суждено получить отцовское наследство. Завещанием от 27 июня 1267 года [2] Гуго обеспечил наследование этому

ребенку, сохранив, однако, в пользу Гуго IV и его преемников выгодные условия, ранее установленные, а именно управление его имуществом, опеку над его детьми и возможное владение его государствами в случае отсутствия наследников.

Гуго VI скончался два года спустя после этого завещания, дела велись в соответствии с его последней волей, и без затруднений со стороны тех и других. Но после смерти Гуго IV дофина Беатриса, считая себя единственной ответственной, издала, в качестве регентши, постановление, против которого герцог Роберт заявил протест. Слишком ревнивый к своей власти, чтобы позволить утратить хоть малейшую часть своих прав, он утверждал, что его не консультировали, и громко требовал регентства и опеки над юным дофином, чьим ближайшим родственником он был.

Эти жалобы, высказанные в несколько высокомерных выражениях, едва не привели к разрыву в семье и, во всяком случае, выдавали честолюбивые замыслы Роберта. Общие друзья вмешались, чтобы избежать конфликта, и в особенности Филипп, граф Савойи и Бургундии, дядя Беатрисы, при посредничестве которого было достигнуто соглашение. По этому соглашению или, скорее, мирному договору, который был подписан в Вьенне 18 января 1273 года [3], договорились, что герцог, в качестве опекуна дофина Жана, будет иметь пользование Гапансуа, замками Мора, Ворепп и Валь, которыми он уже владел, что его чиновники будут отчитываться перед Беатрисой о своем управлении и что доходы с земель будут использоваться на содержание дома дофина после обеспечения гарнизонной службы в крепостях. Управление государством будет передано юному принцу, как только он достигнет четырнадцати лет, и если он умрет до этого времени, его сестра Анна заменит его.

Кроме того, герцог Бургундии удерживал для покрытия своих расходов по опеке ежегодную сумму в три тысячи вьеннских ливров и делал прямое условие о своих правах на Дофине, если когда-либо возникнет случай их осуществления в его пользу.

Потерявшая часть своих прав и не слишком желающая оказывать сопротивление, успех которого был сомнителен и в отношении которого властный характер Роберта оставлял ей мало иллюзий, Беатриса решила присоединить к себе защитника. Месяц спустя после договора в Вьенне, 2 апреля 1273 года, она вышла замуж за Гастона, виконта де Беарн, и принесла ему значительные владения: земли, которые завещал ей отец Пьер Савойский, права на владения Ла Тур, баронство Фосиньи, доставшееся от ее матери Агнессы, и т. д. [4] Пять дней спустя, в пятницу 5 апреля, Беатриса торжественно принесла оммаж герцогу Бургундии в церкви Сен-Морис в Вьенне, в присутствии Гуго де Ла Тур, сенешаля Лиона, Ги де Шансене, Гийома де Нантона и других крупных вассалов [5].

Почти одновременно и для того, чтобы выдать замуж свою старшую дочь Анну, она, несмотря на ее юный возраст, устроила ее брак с ее кузеном Гумбертом де Ла Тур. Этот брак, вероятно, потребовал церковного разрешения, поскольку жених и невеста состояли в очень близком родстве. Их связывала общая бабушка Беатриса, графиня д'Альбон, вышедшая вторым браком за Гуго III, герцога Бургундии, и третьим — за Гуго де Колиньи. Прилагаемая таблица позволяет понять родственные связи, объединяющие различных персонажей, фигурирующих в событиях этой главы.

Нет сомнения, что эти два поспешных и почти одновременных брака стали следствием опасений, внушенных алчностью и слишком горячими притязаниями герцога Бургундии. Равно несомненно, что Роберта консультировали по поводу этого последнего союза и что он не мог из доброй воли отказать в руке своей воспитанницы тому, кого он называл своим дражайшим кузеном. Брак, вероятно, был решен в Маконе 22 августа 1273 года [6], когда Гумберт, сеньор де Ла Тур, пришел принести оммаж герцогу за свой замок Колиньи, а свадьба была отпразднована месяц спустя, в сентябре. Другие земли, принадлежавшие новобрачному, держались в феоде от Беатрисы, и Гумберт обязался принести за них оммаж либо дофине, либо

Гастону де Беарну, под угрозой штрафа в две тысячи ливров, в половине которого герцог Бургундии стал поручителем [7].

Анна принесла в приданое своему мужу лишь шестьсот марок серебра, но она сохраняла все возможные права, оговоренные в завещательных распоряжениях ее отца Гугоа, и получила, кроме того, в качестве вдовьей доли половину владений Ла Тур и Колиньи, а также различные другие замки, которые она должна была сохранить, если ее муж умрет раньше нее [8].

Гумберт де Ла Тур, озабоченный трудностями, которые герцог мог впоследствии ему создать, заключил союзы со своими соседями и искал, в особенности, поддержки Отто, графа Бургундии, которому он принес оммаж за свои замки Треффор и Марбо. Затем он уступил ему различные земли в Бреси за ренту и оммаж Сен-Амура и Лобепена во Франш-Конте [9].

Чтобы достичь мирного соглашения, Роберт несколько раз отправлял двух своих чиновников, Жерара, сеньора де Сотрона, своего сборщика в Монсени, и Жана де Лиона, одного из своих клерков, которые отправились в Савойю, в Роман и другие местности [10], и он сам заключил с дофиной соглашение, которое было скреплено печатью в Лионе в первых числах июля 1277 года [11]. Но не удалось урегулировать все трудности, так как потребовались новые соглашения в 1278 году [12], чтобы установить различные пункты управления, по которым не удалось прийти к согласию и которые потребовали поездки в Вьенну Жерара, клерка герцога [13].

Эти договоренности и эти браки поддерживали в течение нескольких лет хорошие отношения между всеми, не заставляя герцога терять идеи аннексии, которые занимали его ум. Вскоре Роберт придумал достичь своей цели другим путем и задумал объединить свою дочь Маргариту, едва вышедшую из младенческого возраста, с дофином Жаном; но эти планы союза с больным и слабым ребенком не имели больше продолжения, чем попытки, предпринятые другими заинтересованными сторонами, чтобы завладеть богатым наследством, поскольку также обсуждался брак дофина либо с Бонной Савойской, либо с Жаклиной Баварской. Жан умер 24 сентября 1282 года в Бонвиле (Верхняя Савойя) в возрасте семнадцати лет, составив очень краткое завещание, которое ничего не урегулировало относительно наследования его государств [14].

Это означало сохранение распоряжений, установленных Гугоом VI. Гумберт не ждал смерти юного принца, чтобы воспользоваться своими правами, поскольку двумя месяцами ранее он принял титул дофина Вьеннуа и д'Альбон, сеньора де Ла Тур, а герцог Роберт, который все еще фигурирует в качестве опекуна дофина в хартии марта 1279 года [15], также не намеревался отказываться от своих притязаний.

Ничего не известно о первых переговорах, имевших место между претендентами, ни о шагах, предпринятых общими друзьями, чтобы предотвратить столкновение, которое не могло не произойти. Достоверно то, что в декабре 1283 года война была на грани вспышки, что формально доказывает акт соглашения, заключенного между церквями Лиона и Отёна [16].

Вся зима прошла в приготовлениях, и каждый из двух противников проявил в этом величайшую активность. Гумберт, желая быть в состоянии противостоять своему грозному сопернику, подумал о том, чтобы привлечь на свою сторону императора Рудольфа, и предпринял поездку в Баден, получив предварительно охранную грамоту [17]. Но император, занятый многими другими делами и, кроме того, находившийся в хороших отношениях с герцогом Робертом, должен был дать ему лишь довольно уклончивые обещания. Тогда дофин заключил союз с графом Валентинуа, с Симоном, сеньором де Монбельяр, сеньором де Бовуар и т. д.

Со своей стороны, герцог Бургундии привлек на свою сторону Амедея, герцога Аосты и графа Савойи, Людовика Савойского, барона де Во, Пьера д'Овиллара, сеньора де Белькомб, декана Вьенна, Эмара де Бовуара, Жана, аббата д'Амбурне [18]. Небесполезно отметить, что если Амедей и Людовик Савойский были родственниками Роберта, то они были двоюродными братьями Гумберта, и присоединение этих могущественных особ должно было стоять Роберту

И крупной суммы денег, ибо в ту эпоху крупные вассалы, не более чем сюзерены, не имея регулярных войск, были вынуждены покупать сторонников и привязывали к своему делу, ценой денежных жертв, различных сеньоров края, которые могли им служить. Кампания, которая вот-вот начнется, дает доказательства цинизма, с которым заключались эти контракты, не делающие чести ни достоинству дарителей, ни деликатности получателей. Впрочем, это те же самые приемы, применявшиеся в предыдущих походах, и в частности во время войны в Шампани.

Желая заручиться поддержкой могущественных баронов де Жу и д'Юзи [19], чьи неприступные крепости господствовали над горами графства в окрестностях Понтарлье, герцог Бургундии призвал их в Бон, и по соглашению, заключенному 1 мая 1284 года, он получил их обязательство и обещание помощи их людей и их замков против сеньора де Ла Тур. Анри, сеньор де Жу, получил обратно в феоде от герцога то, что принадлежало его брату Жану в Арсоне, за сумму в двести ливров [20]. Анри, сеньор д'Юзи, обещал сдать свой замок Ренедаль за сто ливров [21].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.